МККК в Советском Союзе (1920–1938 гг.): Миссия В. Верлена

Жан-Франсуа Файе и Петер Хубер*

В 1992 г. после 54-летнего перерыва в своей деятельности в СССР МККК подписал с Министерством иностранных дел Российской Федерации Соглашение о статусе МККК и его Делегации (Представительства) на территории Российской Федерации. Действуя в рамках этого соглашения, московская делегация обнаружила в Центре хранения историко-документальных коллекций в Москве архивные материалы, касающиеся деятельности первой делегации[1]. Несмотря на невозможность проверить, насколько полной является эта документация, объем до сих пор неизвестных материалов, которые пополнили архивные фонды штаб-квартиры МККК в Женеве и федеральный архив в Берне, вызвал новый интерес исследователей к деятельности этой постоянной миссии, а открытие бывших советских архивов позволяет нам дополнить существующую богатую документацию материалами Советского Красного Креста и перепиской его представителя в Швейцарии д-ра С. Баготского[2].

* **Жан-Франсуа Файе**, доктор филологических наук, является старшим преподавателем Женевского университета, **Петер Хубер** — приват-доцент Базельского университета.

1 Речь идет о документах общего характера, а также об архивных материалах, касающихся помощи задержанным и депортированным, которые Верлен передал в польскую миссию в 1938 г. В 1939 г. советские власти конфисковали их у Польши, а в 1996 г. МККК получил их копии в виде микрофильмов. Что же касается архива, переданного бельгийской дипломатической миссии, то, как установил Г. Флюкигер, швейцарский посланник в СССР с 1946 г., он был уничтожен в 1941 г. AFB, Bureau des Suisses de Russie, 2015,1 Bd. 26.

2 При написании этой статьи использовались не только работы, указанные в примечании 7, но и, главным образом, следующие архивные фонды: 1) *Archives Fédérales Berne* (AFB): Fonds Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 1–181 et Département politique fédéral E 2001: B 1–4 et 7, C 3–4, D2; 2) *Archives du CICR* (ACICR): «Mission en Russie (Moscou), W. Wehrlin» B MIS 54, «Nansenhilfe» B MIS 46 et «Mission Brown (1931)» B MIS 77; 3) *Центр хранения историко-документальных коллекций,* Москва (микрофильмы ЦХИДК): «Mission Wehrlin» F. 1496; 4) *Государственный архив Российской Федерации* (ГАРФ): Всероссийское общество культурных связей (ВОКС), F. 5283, Центральный комитет Российского общества Красного

Интерес, проявляемый историками к этим двум делегациям — представительству МККК в Москве и представительству общества Красного Креста Советской России в Швейцарии, — выходит за рамки истории отношений между МККК и Советским Красным Крестом и распространяется на историю советско-швейцарских отношений в целом в период между двумя мировыми войнами, которые были чрезвычайно натянутыми. И действительно, эти отношения были очень непростыми. Вспомним, какую роль швейцарская пресса и правительство отводили большевикам в подготовке всеобщей забастовки в ноябре 1918 г.[3], а также последовавшее за этим выдворение советской дипломатической миссии во главе с Яном Берзиным, разгром швейцарской миссии в Петрограде и доведение до разорения около 6000 швейцарцев, живших в России[4], — все это с самого начала породило атмосферу ненависти и непонимания между двумя странами, следствием чего было чрезвычайно длительное отсутствие дипломатических отношений между ними. Эта напряженность в отношениях, обострившаяся после оправдания в 1923 г. общим судом кантона Во Мориса Конради, проживавшего в России швейцарца, который убил советского представителя на Лозаннской конференции по Турции, несколько спала в 1927 г., когда Россия отказалась от бойкота Швейцарии. Однако урегулирование спорного вопроса между Швейцарией и Советским Союзом (этого очень хотела швейцарская сторона, опасавшаяся, что признанное к тому времени большинством европейских держав советское правительство будет оказывать давление на других членов международного сообщества с тем, чтобы добиться перевода штаб-квартиры Лиги наций из Швейцарии[5]) не повлекло за собой каких-либо серьезных изменений. Лишь в 1946 г. два государства обменялись послами. В условиях отсутствия дипломатических отношений

Креста, F. 3341, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Советского Союза (СОКК и КП СССР), F. 9501.

3 Сегодня эта роль оспаривается историками. См.: Antoine Fleury et Danièle Tosato-Rigo, «À propos de la représentation diplomatique soviétique à Berne (mai-novembre 1918): un nouvel éclairage à la lumière des rapports de Jan Berzine», *Traverse. Revue d'Histoire,* 3 (1995), p. 40 et Brigitte Studer, «Le communisme diabolisé et idéalisé: la quête d'une perspective historique», *ibidem,* p. 16.

4 В 1914 г. в России проживало 8000 швейцарцев, около 2000 из них вернулись, по-видимому, на родину до революции. Josef Voegeli, *Die Rückkehr der Russlandschweizer 1917–1945.* Mémoire de licence non publié, Zürich, 1979, pp. 113–115.

5 Edgar Bonjour, «Versuch einer Normalisierung des schweizerisch-russischen Verhältnisses 1925–1927», *Revue suisse d'histoire,* 1973, n° 3, p. 495.

существование в Москве постоянного представительства МККК, которое помимо чисто краснокрестной деятельности было вынуждено отстаивать интересы Швейцарии, заставляет по-новому подходить к вопросу об отношениях между этим женевским учреждением и Швейцарской Конфедерацией. Ведь несмотря на то, что, по мнению многих авторов, различие между позицией «остракизма», занятой Федеральным советом по отношению к стране Советов, и «политикой диалога и присутствия», проводимой МККК, подтверждает «независимость» этой организации от Федерального политического департамента Швейцарии[6], еще большее число исследователей (М. Рейман, П. Губер, Ж.-Д. Пра) подчеркивали тесную связь, существовавшую в этих особых условиях между политикой МККК и политикой Конфедерации[7]. Одним словом, этот явный контраст свидетельствует в действительности о существовании необычной взаимодополняемости, которая может даже приводить к смешению жанров, несмотря на все усилия, которые предпринимал Международный Комитет и его делегаты, чтобы сохранить внешние признаки своей независимости.

Особые условия

Принятие большевиками сразу же после прихода к власти знаменитого «декрета о мире» и подписание в марте 1918 г. Брестского мира с центральными державами не положили конец военным потрясениям в России. Создание белогвардейского движения и высадка англичан в Мурманске в марте 1918 г., за которой последовали высадки японцев и американцев в августе во Владивостоке, а французов в декабре в Одессе, — все эти события знаменовали начало гражданской войны с элементом иностранного вмешательства. Два с половиной года, которые она продолжалась, а также почти четыре года мировой войны обескро-

6 François Bugnion, *Le Comité international de la Croix-Rouge et la protection des victimes de la guerre,* CICR, Genève, 2000 (2e édition), p. 1158.

7 См.: Maximilian Reimann, *Quasi-konsularische und schutzmachtähnliche Funktionen des Internationalen Komitees vom Roten Kreuz ausserhalb bewaffneter Konflikte,* Arnold Fricker AG, Frick, 1971 (вопрос рассматривается с юридической точки зрения); Peter Huber, «Das Russlandschweizerbüro im EPD und der IKRK-Vertreter Werhlin in Moskau», in Peter Huber, *Stalins Schatten in die Schweiz,* Chronos, Zürich, 1994, pp. 59–66; Jean-Daniel Praz, *La mission Werhlin du CICR à Moscou (1920–1938). Délégation ou ... Légation? Analyse des relations CICR-Confédération au travers d'un cas particulier de fonctionnement du Département politique.* Mémoire de licence non publié, Fribourg, 1996 (первое серьезное и замечательное исследование, посвященное миссии Верлена).

вили и полностью дезорганизовали страну, истерзанное население которой страдало от голода и эпидемий.

После февральской революции 1917 г., в результате которой Российский Красный Крест распался на множество конкурировавших между собой организаций, созданных на политической или национальной основе[8], произошла Октябрьская революция, повлекшая за собой, среди прочего, национализацию имущества Российского Красного Креста (декрет от 6 января 1918 г.) и арест многих членов его руководства, которые примкнули к противникам нового режима[9]. Такое положение вызывало обеспокоенность МККК еще и потому, что в ту пору не существовало никакой правовой базы, которая позволяла бы ему действовать в условиях гражданской войны[10]. Представитель Швейцарии в Петрограде Эдуард Одье, занимавший также пост вице-президента МККК, решил поручить Эдуарду Фрику, швейцарскому гражданину, жившему в России и сотрудничавшему во время войны с Российским Красным Крестом, «оказывать помощь Российскому национальному обществу»[11]. Советское правительство признало договоры и соглашения, касающиеся Красного Креста, подписанные прежним правительством[12], однако, учитывая зависимость нового Советского Красного Креста от советской власти[13] и дружеские отношения, существовавшие между членами руководства Женевского Комитета и руководителями прежнего Российского Красного Креста,

8 Это общества Красного Креста Польши, Финляндии, Грузии, прибалтийских государств, а также, если говорить об организации политического толка, Пролетарский Красный Крест (его деятельность связана с Красной гвардией и он имел отношение к возникновению в конце 1918 г. политического Красного Креста). Иржи Томан. Россия и Красный Крест (1917–1945). — Москва: МККК, 1998, с. 18, 30.

9 Там же, с. 21–22.

10 Этот вопрос собирались внести в повестку дня Международной конференции Красного Креста, проходившей в Вашингтоне 7 мая 1912 г., но этого не сделали под жестким давлением (ирония истории!) российского представителя. Bugnion, *op. cit.,* p. 286. В 1919 г. Советский Красный Крест сделал русский перевод статьи, помещенной в Журнале Красного Креста (Revue de la Croix-Rouge) и посвященной Вашингтонской конференции, чтобы лучше ознакомиться с ее содержанием и тем самым подготовиться к ответу на возможные обращения МККК по этому вопросу. ГАРФ, Москва, F. 9501/6/16.

11 Это назначение, «сделанное в порядке исключения и носившее временный характер», было утверждено МККК в мае 1918 г. И. Томан, *op. cit.,* с. 15.

12 По утверждению самого Фрика, он участвовал в разработке декрета от 2 июня 1918 г. Что же касается декрета от 7 августа, то одно из его положений подтверждало, что Российское общество Красного Креста действует на основе Женевской конвенции. Цитируется И. Томаном, *op. cit.,* с. 26–33.

13 Отныне Советский Красный Крест находился в ведении Народного комиссариата здравоохранения.

а также втайне надеясь на то, что победа большевиков была лишь временной, МККК не спешит признавать Советский Красный Крест, хотя и направляет своего представителя в Россию[14]. Эти колебания со стороны МККК приводят к ужесточению позиции советского правительства, которое отказывается выдавать новую визу Э. Фрику, упрекая его в том, что он не выполнил свои обязательства[15]. Однако, когда Федеральный совет решает выдворить советскую дипмиссию во главе с Я. Берзиным, МККК обращается к швейцарскому правительству с просьбой не выдворять д-ра С. Баготского (он прибыл в Швейцарию в октябре 1918 г., чтобы заниматься от имени Советского Красного Креста вопросами репатриации русских военнопленных, нашедших убежище в Швейцарии), чтобы не лишаться возможности направить нового делегата МККК в Советскую Россию[16].

Эту обеспокоенность МККК будут вскоре разделять и швейцарские власти, которые после выдворения советской миссии ожидают ответных мер в отношении Альбера Жюно, своего нового представителя в России[17]. В первое время Жюно пытается объяснить представителям российских властей, что выдворение миссии Берзина не означает окончательного разрыва отношений между Швейцарией и Россией. Однако он обращается в норвежскую дипмиссию в России с просьбой представлять интересы Швейцарии в России, если дело примет более серьезный оборот. В середине декабря 1918 г., считая, что «по соображениям внутреннего и внешнеполитического характера»[18] Швейцария не может рассматривать воз-

14 Официально МККК заявил, что в данной политической обстановке он не может признать ни одну из существующих организаций в качестве преемника прежнего Российского Красного Креста. И. Томан, *op. cit.,* с. 36.

15 Телеграмма г-на Соловьева, ACICR, B MIS 1/5.

16 Вначале С. Баготский и проживавшие в Швейцарии русские, поддерживавшие советскую власть, рассматривались как своего рода разменная монета, которую можно было бы использовать для возврата швейцарцев, удерживаемых в России. Dietrich Dreyer, *Schweizer Kreuz und Sowietstern. Die Beziehungen zweier ungleicher Partner seit 1917,* NZZ Verlag, Zürich, 1989, p. 65.

17 Прибыв в Петроград 9 ноября 1918 г., Альбер Жюно возглавил швейцарскую дипломатическую миссию 12 ноября, то есть, в тот день, когда российские дипломаты вынуждены были покинуть страну. Его предшественник Эдуард Одье, который в тот момент не мог вернуться в Швейцарию, покинул Россию в феврале 1919 г. вместе с остальными сотрудниками миссии.

18 Здесь Жюно имеет в виду всеобщую забастовку, состоявшуюся в ноябре 1918 г., а также «давление», которое французы, итальянцы и американцы оказывали на Федеральный совет, требуя от него выдворить советскую миссию. См.: Willi Gautschi, *Der Landesstreik 1918,* Benzinger, Zürich, 1968, pp. 211–213.

можность принять на своей территории новое советское дипломатическое представительство, А. Жюно информирует Федеральный политический департамент, что он направил советскому правительству письмо, в котором «сообщается о намерении нашей миссии покинуть Россию»[19]; вскоре этому примеру последовали представительства всех скандинавских стран. Осознавая, какую панику это известие может выжать у многочисленных швейцарцев, проживающих в России[20], которые «с опасением относятся к возможному разрыву отношений»[21], А. Жюно обращается к швейцарским властям с вопросом: «Нельзя ли им обеспечить определенную защиту через посредство Международного Красного Креста или общества Красного Креста одного из нейтральных государств?»[22]. Перед отъездом швейцарский посланник создает временную канцелярию, которой поручается решать текущие вопросы с Комитетом российских швейцарцев. Среди членов Комитета — Вольдемар Верлен и Гуго Рогген. Последний станет впоследствии директором бюро швейцарцев, проживающих в России, которое войдет в состав Федерального политического департамента в Берне: именно с ним делегат МККК будет вести основную переписку. Но с середины июня 1919 г., после разгрома канцелярии и ареста ее членов, наступает новый период неуверенности: швейцарское правительство доверяет обществам Красного Креста Дании и Германии, а также германской дипломатической миссии осуществлять на неофициальной основе защиту проживающих в России швейцарцев[23]. Однако в Берне многие считают, что необходимо решать этот вопрос на более постоянной основе и вспоминают о предложении Жюно направить в Москву миссию МККК[24]. Весной 1920 г. МККК еще считает, что «не должен вмешиваться

19 Antoine Fleury et Danièle Tosato-Rigo (Éd.), *Suisse-Russie. Contacts et ruptures,* Paul Haupt, Berne, 1994, pp. 329 et 331.

20 После выдворения миссии Берзина их оставалось еще около 4400 человек, Voegeli, *op. cit.,* p. 115.

21 *Suisse-Russie, op. cit.,* pp. 312–313.

22 Там же, p. 330.

23 До марта 1922 г. российскими швейцарцами будут заниматься Германский Красный Крест и дипломатическая миссия Германии.

24 В меморандуме от декабря 1918 г. В. Турнхер, заместитель директора УИД Федерального политического департамента, рекомендует наладить сотрудничество между МККК и внешнеполитическим ведомством. *Documents Diplomatiques Suisses* (DDS), T. 7, vol. 1, n° 74. Со своей стороны, Ф. Зутер, бывший швейцарский консул в Москве, по возвращении в Швейцарию направляет в УИД Федерального политического департамента доклад, в котором поддерживает предложение Жюно с той лишь разницей, что швейцарскую сторону должен представлять Швейцарский Красный Крест, а не МККК. *DDS,* T. 7, vol. 1, n° 284.

в решение этого вопроса», уточняя однако, что «готов предпринимать действия в интересах наших несчастных соотечественников, используя все имеющиеся у него средства, если Федеральный политический департамент того пожелает»[25].

Готовность МККК выполнять работу, которая, как представляется, уже a priori выходит за рамки его традиционной деятельности, объясняется тем, что после Первой мировой войны возникло множество новых организаций, которые могли составить МККК конкуренцию в сфере оказания гуманитарной помощи в международном плане[26]. И хотя МККК уже привлекается к деятельности знаменитого Нансеновского комитета[27] (в работе этого учреждения принимают участие многие его делегаты, в том числе, Э. Фрик и В. Верлен), создание в Париже в мае 1919 г. Лиги обществ Красного Креста (ЛОКК) заставляет Женевский Комитет задуматься о том, чтобы отойти от «классического дуалистического видения»[28] ситуации мира и ситуации войны и вывести свою деятельность из строго военных рамок, которыми она традиционно ограничивалась. Таким образом, все, казалось, говорило в пользу отправки делегации МККК в Советскую Россию — решение, выгодное как швейцарскому правительству, которое, не поступаясь своими политическими принципами, могло бы заботиться о российских швейцарцах, так и Международному Комитету, который расширил бы поле своей деятельности, прочно закрепившись на советской территории. В этой обстановке в сентябре 1920 г. состоялась первая беседа руководителей Министерства иностранных дел с будущим делегатом Вольдемаром Верленом, который, воспользовавшись случаем, передал им свою автобиографию[29].

Выходец из семьи швейцарских коммерсантов из кантона Тургау, обосновавшейся в России почти сто лет тому назад, В. Верлен родился в Москве в 1888 г. В 1916 г. ему, доктору права, удается получить, несмотря

25 Письмо МККК в Министерство иностранных дел от 17 марта 1920 г. AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 35.

26 Например, Лига Наций или *Американская администрация помощи* (APA).

27 К кругу задач, которые выполнял Нансеновский комитет, относились репатриация военнопленных, оказание помощи русским беженцам в России и за рубежом, а также — несколько позднее — борьба с голодом. В отношении последней см. Charline Dekens, *«Refaire de ces abandonnés des hommes». Le Comité international de secours à la Russie et la famine de 1921–1922,* Mémoire de licence non publié, Genève, 2002.

28 Praz, *op. cit.,* p. 43.

29 Автобиография В. Верлена, 29.11.1920, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 149.

на его швейцарское гражданство, статус адвоката при харьковском апелляционном суде, а затем уже в Москве выступать в качестве защитника «в революционном трибунале до тех пор, пока большевики не упразднили профессию независимого адвоката». С сентября 1918 г. он является юридическим советником швейцарской дипломатической миссии в Петрограде, а также швейцарского консульства в Москве. Весной 1919 г. его принимают на работу во временную канцелярию, созданную Жюно. После того, как последние швейцарские представители покинули Россию в 1920 г., Верлен становится во главе Московского комитета российских швейцарцев (MRSK), члены которого считали, что лучшего руководителя вряд ли можно было бы найти[30]. Два месяца спустя после возвращения в Швейцарию в июле 1920 г. Верлен, который, по-видимому, желает снова выехать в Россию, встречается в Берне с заместителем начальника отдела иностранных дел (ОИД) Федерального политического департамента В. Турнхером. В очередной раз фамилия Верлена упоминается в сентябре в беседе Эдуарда Фрика с Турнхером, которого Фрик знакомит с планом операции по оказанию помощи детям, разработанным МККК совместно с Нансеновским комитетом. Несомненно, тот факт, что Верлен считается «слишком обрусевшим»[31], вызывает некоторую обеспокоенность у В. Турнхера. МККК, в свою очередь, отмечает отсутствие «импозантности»[32] у будущего делегата, однако его «ум» (Э. Фрик), глубокие юридические познания и связи, которые он наладил с различными органами советской власти, делают из него идеального кандидата, хотя следует отметить, что рассматривались и другие кандидатуры — Э. Фрика, В. Турнхера и Р. де Риа, представителя швейцарской колонии в Грузии. Итак, в феврале 1921 г. Верлен выезжает в Советскую Россию как делегат МККК — Нансеновского комитета. Однако наряду с деятельностью, связанной с Международным союзом помощи детям (МСПД), делегату поручается установить связь с обществом Красного Креста Советской России, которое по-прежнему не признается МККК. Вначале речь идет лишь о временной миссии, поскольку советская сторона противится продлевать срок действия виз подданным тех государств, «правительства которых отказываются установить официальные отношения с русским

30 Протокол заседания Комитета от 08.1.1920, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 25.

31 Служебная записка В. Турнхера от 18.11.1920, AFB, E 2001-Bl-Bd.78.

32 Доклад МККК (для внутреннего пользования) о миссии Верлена от 01.11.1921, ACICR, B MIS 54 — Cart. 35: correspondance.

правительством»[33]. Однако 15 октября 1921 г. МККК признает общество Красного Креста Советской России, получая тем самым возможность открыть в этой стране постоянную миссию, которая отвечала бы ожиданиям как МККК, так и Федерального политического департамента.

Миссия Верлена или смешение жанров

Вначале Верлену поручили представлять МККК при Российском Красном Кресте, координировать деятельность частных и правительственных организаций в России, обеспечивать связь с Нансеновской комиссией по оказанию помощи детям, а также заниматься репатриацией оставшихся военнопленных из центральных держав, разыскивать пропавших без вести и налаживать переписку между членами разлученных семей, то есть продолжать дело, начатое во время войны[34]. Но практически сразу же столкнувшись с ухудшением положения российских швейцарцев, комитет которых был окончательно распущен советскими властями в сентябре 1921 г., Московская делегация оказывается перед необходимостью выполнять функции, которые обычно лежат на державе-покровительнице. Желая убедить общественность, что эта деятельность «осуществляется не только в интересах наших соотечественников» и что для делегатов МККК «не существует подданных тех или иных государств — они радеют за всех несчастных»[35], штаб-квартира МККК в Женеве предлагает свои услуги правительствам Венгрии, Болгарии и Югославии[36]. Однако ликвидация в 1922 г. службы репатриации, связанной с деятельностью верховного комиссара Нансена, желание немецкой стороны прекратить отстаивать интересы российских швейцарцев и решение швейцарского правительства отдать предпочтение оказанию помощи швейцарским подданным в России в ущерб их репатриации — все это способствовало

33 Письмо В. Верлена в МККК от 27.07.1921, ACICR, B MIS 46 — Cart. 34: Nansenhilfe.

34 Lettre de G. Ador au CPSP et au CPAE, 09.08.1921, ACICR, B MIS 54 — Cart. 35: correspondance.

35 Письма Ж. Шеневьер В. Верлену от 16.11.1921 и 22.11.1921. ACICR, B MIS 54 — Cart. 35: correspondance.

36 Деятельность миссии Верлена в качестве державы-покровительницы в интересах югославов продолжалась до 1938 г., однако в отношении подданных других государств она прекращалась, как только в СССР открывалось дипломатическое представительство соответствующего государства. Однако, по утверждению самого делегата, эта деятельность в интересах граждан других государств или лиц без гражданства часто ограничивалась несколькими единичными случаями оказания помощи и никогда не носила систематического характера, как это было в случае со швейцарцами.

тому, чтобы деятельность Верлена в интересах швейцарцев постепенно приобретала «квази-консульский» (по выражению юриста М. Реймана) характер.

Эти «квази-консульские» функции, выполнения которых требовал Федеральный политический департамент, рассматривая их как предварительное условие для репатриации швейцарцев или оказания им помощи в России, были многочисленны и предполагали розыск свидетельств о гражданстве, обновление актов гражданского состояния, выдачу и даже аннулирование паспортов, а также продление срока их действия. Для осуществления этой деятельности, которая вскоре приобретает первостепенное значение для российских швейцарцев, желающих пользоваться льготами, предоставляемыми советским режимом иностранцам (право выезда из России и въезда, пользование специальными магазинами «торгсин»), а также помощью со стороны Швейцарии, приходится преодолевать многочисленные препятствия, связанные с последствиями войны и революции (кража архивов швейцарского консульства, уничтожение российских архивов актов гражданского состояния старше 60 лет). Если к этому добавить небрежность многих швейцарцев, несколько поколений которых проживали в России и которые не следили за тем, чтобы должным образом велись их акты гражданского состояния, изменения советского законодательства, а также изменение в конце 20-х годов швейцарских законов, касающихся документов, подтверждающих гражданскую принадлежность[37], то легко понять, почему московское представительство оказалось в центре активной переписки, занимаясь пересылкой документов российских швейцарцев, отвечая на многочисленные просьбы о розыске частных лиц и запросы швейцарских властей по поводу лиц, от которых их родственники не получали больше никаких вестей. Верлен стал отправлять паспорта российских швейцарцев в советскую дипломатическую миссию в Латвии, чтобы там проставляли в этих документах действующую визу. Одновременно он обратился к швейцарскому консулу в Риге с просьбой сделать в этих паспортах соответствующие записи. Советские власти объявили не только о бойкоте Швейцарии, узнав об оправдательном приговоре, вынесенном Конради, но и ужесточили в очередной раз требования, предъявляемые швейцарцам (вплоть до возможного массового выдворения), однако Верлен смог

37 В декабре 1928 г. швейцарское правительство постановило выдать своим гражданам паспорта, в результате этого Верлену пришлось отправлять в Швейцарию все старые свидетельства о гражданстве.

найти компромиссное решение, позволившее сохранить иностранцам их основные льготы. В 30-х годах положение снова меняется. Радикализация режима, сопровождающее Великий сталинский перелом преследование иностранных специалистов и создание охватывающей все области атмосферы подозрительности по отношению к загранице (Верлен говорит о захлестнувшей Россию «волне ксенофобии»[38]), которая усилилась террором, вызванным убийством Кирова в 1934 г., — вот с чем столкнулись иностранцы, оказавшиеся перед выбором быть выдворенными или принять советское гражданство. Не имея возможности представить должным образом оформленные документы (в особенности в провинции, где их оформление носило значительно более неорганизованный характер) или окончательно обрусев, многие швейцарцы потеряли швейцарское гражданство и оказались впоследствии в трагическом положении. Накопив достаточно опыта, чтобы стать специалистом по этим вопросам, В. Верлен обратился к Федеральному политическому департаменту с предложением упростить бюрократические процедуры. Так, он предложил продлить срок действия паспорта швейцарцев, проживающих вдали от Москвы и других крупных городов[39].

В рамках этой деятельности Верлену удается провести перепись российских швейцарцев, что является условием, необходимым для организации оказания помощи, к финансированию которой швейцарское правительство желает привлечь органы местного самоуправления. Если учитывать, что в эти списки были внесены имена только тех лиц, у кого документы были оформлены должным образом, число российских швейцарцев в 1928 г. составляло 1500 человек. В 1935 и 1936 гг. Верлен направил в МККК и Федеральный политический департамент еще два списка, содержащих соответственно 1400 и 1360 фамилий российских швейцарцев. Из этих документов видно, что делегат выступал иногда с инициативой ограничительного толкования закона или отговаривал возвращаться на родину швейцарцев, которые, по-видимому, утратили с ней всякую связь, и предлагал им даже подписывать отказ от швейцарского гражданства[40]. Впрочем, Федеральный политический департамент с одоб-

38 Письмо В. Верлена Э. Клузо от 13.09.1937, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 50.

39 Письмо В. Верлена в Федеральный политический департамент от 20.7.1927, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 122.

40 Письмо В. Верлена Познански от 11.5.1936 г., AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 86. Неоднократно делегат и швейцарские власти совместно принимали решение отказать в продлении срока действия паспорта того или иного российского швейцарца.

рением относился к этим инициативам: после того, как волна репатриации 1920 г.[41] пошла на спад, он решил отдавать предпочтение оказанию помощи швейцарцам в России и не поощрять массовой репатриации[42], особенно в период экономического кризиса, разразившегося в Швейцарии. В этих условиях число репатриированных менялось — от 19 человек в 1927 г. (в ту пору НЭП достигла своего апогея) до 148 человек в 1938 г., когда Верлен покинул Россию (его отъезд совпал с неслыханным разгулом репрессий[43]). В большинстве случаев расходы по репатриации оплачивались швейцарским правительством, однако именно Верлен следил за тем, чтобы все проходило благополучно, и даже выдавал деньги на оформление транзитных виз и оплату расходов по проживанию.

Такое же усердие делегат проявляет при распределении помощи, выделяемой швейцарским правительством: он следит за тем, чтобы ее получали действительно нуждающиеся люди и, в первую очередь, швейцарские граждане, которые доказали свою преданность родине. Выполняя эти функции и обладая при этом широкими полномочиями, он может заблокировать оказание помощи, уменьшить или увеличить ее объем, а также решить, в каком виде ее выдавать — деньгами или натурой. Порой Верлен играет роль «усердного чиновника», радеющего о том, чтобы швейцарское правительство не понесло дополнительных расходов, но он прекрасно знает советскую действительность и благодаря этому ему часто удается умерить строгость Берна. Например, в разгар раскулачивания он обращается в Федеральный политический департамент с просьбой выплачивать российским швейцарцам специальное пособие и самостоятельно оказывает материальную помощь разоренным швейцарским крестьянам, «не согласовывая эти действия с начальством, учитывая то критическое положение», в котором оказались эти люди[44]. Другой пример: вначале по просьбе швейцарского правительства Верлен отказывается помогать швейцарским коммунистам, которые, как неоднократно утверждал Берн, «выехали в Россию на свой страх и риск»[45], однако, когда коммунисты, как

41 Половина швейцарской диаспоры в России в 1920 г. была репатриирована в период с мая по сентябрь. С 1918 г. по 1923 г. было репатриировано 3500 человек.

42 Швейцарское правительство поощряло также эмиграцию российских швейцарцев в третьи страны — Канаду или Турцию.

43 Voegeli, *op. cit.,* p. 17.

44 Письмо В. Верлена Познански от 31.03.1930, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 42.

45 Письмо Г. Ротмунда Э. Марки от 02.12.1936, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 111.

и другие швейцарцы, оказались жертвами жестоких сталинских репрессий, он более не придерживается этого различия, политический характер которого, по крайней мере, противоречил официальной нейтральности его миссии.

Постепенно В. Верлен начинает оказывать своим соотечественникам юридическую помощь, консультируя их по таким вопросам, как изменения советского законодательства в области брачных отношений[46], наследования[47], продажи имущества и страхования[48]. Действуя через посредство швейцарской миссии в Берлине, он выдает транзитные визы российским швейцарцам, желающим посетить своих родственников в Швейцарии. Он соглашается пересылать личную корреспонденцию российских швейцарцев, но контролирует содержание этих писем и направляет их адресатам через штаб-квартиру в Женеве[49]. Начиная с 1927 г., когда в Берлине было подписано компромиссное соглашение, он принимает, регистрирует и консультирует швейцарцев, приезжающих в Советский Союз с целью продать свою продукцию или получить работу, при этом он не забывает регулярно составлять по результатам этих встреч отчеты, отправляя их в Женеву и Берн. Наконец, когда советские власти задерживают какого-нибудь швейцарца, именно Верлен пытается — хотя и безуспешно — получить с помощью Советского Красного Креста информацию о причинах его ареста и о месте его содержания под стражей, он даже предлагает советским властям смягчить меру наказания, которая была присуждена одному из его соотечественников, — заменить тюремное заключение на выдворение из России[50]. Однако вскоре Верлен понимает бесполезность своих действий, в результате которых власти могут отно-

46 Очень часто проблемы возникали при смешанных браках, поскольку многие швейцарские подданные забыли внести изменения в соответствующие акты гражданского состояния. Положение усугублялось также из-за особенностей советского законодательства, касающегося гражданского брака.

47 Верлен составляет также список авуаров швейцарцев, умерших в СССР, и ведет розыск их наследников.

48 Речь идет о контрактах, заключенных с американскими страховыми компаниями российскими швейцарцами, которые с большим трудом добивались выплат по страховым случаям, учитывая, что вплоть до 1933 г. СССР и США не поддерживали дипломатических отношений.

49 Обращаясь, в частности, к Федеральному политическому департаменту с просьбой публиковать в прессе соответствующие объявления, МККК настаивал на том, чтобы корреспонденция, поступающая из Москвы или отправляемая в Москву, приходила вначале в его штаб-квартиру в Женеве.

50 Письмо В. Верлена д-ру Гладштейну, начальнику отдела внешних связей СОКК и КП СССР, 01.10.1930, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 133.

ситься с еще большей подозрительностью к задержанным, и ограничивается оказанием помощи наиболее обездоленным, а также их родственникам, если те не опасаются подвергнуться, в свою очередь, аресту за связь с иностранцем.

Наряду с деятельностью по оказанию помощи российским швейцарцам в этих чрезвычайно сложных условиях В. Верлен предпринимает первую попытку выполнить резолюцию XIV X Международной конференции Красного Креста (март-апрель 1921 г.), провозгласившей право «всех жертв гражданской войны или социальных и революционных (...) потрясений на получение помощи в соответствии с основополагающими принципами Красного Креста»[51]. МККК не строил больших иллюзий в отношении своих возможностей заручиться поддержкой Советской России для выполнения резолюции, которая была инспирирована «некоторыми контрреволюционными эмигрантскими кругами, объединившимися вокруг так называемого старого Российского Красного Креста»[52], и которая была принята без его участия[53]. Поэтому Верлена нисколько не удивило заявление общества Красного Креста Советской России о том, что советское правительство не может согласиться на выполнение этой резолюции в интересах «государственных преступников («политических заключенных» по вашей терминологии)», поскольку гражданская война «окончательно завершилась»[54]. Впоследствии Верлен еще несколько раз будет обращаться с этой просьбой к советским властям[55], но не получив ответа, он прекратит какие-либо действия в этом направлении, считая, что они могут быть истолкованы как преднамеренное вмешательство во внутренние дела Советского государства.

Понять, какую долю от общего объема работы составляет традиционная деятельность МККК[56] и какую — менее традиционные виды

51 *Xe Conférence internationale de la Croix-Rouge,* tenue à Genève du 30 mars au 7 avril 1921. Compte rendu, Genève, 1921. См. также: Жак Морейон. *Международный Комитет Красного Креста и защита политических заключенных.* — Москва: МККК, 1994.

52 Письмо З. Соловьева в МККК, ноябрь 1922 г., Microfilms ACICR: «Mission Wehrlin» F 1496-1-68.

53 Georges Lodygensky, «La Croix-Rouge et la guerre civile», *Revue internationale de la Croix-Rouge,* № 10, 15.10.1919, pp. 1159–1180.

54 Письмо В. Верлена Ж. Шеневьер от 10.04.1922, Microfilms ACICR: «Mission Wehrlin» F 1496-1-66.

55 Письмо В. Верлена Г. Адору от 22.12.1926, Microfilms ACICR: «Mission Wehrlin» F 1496-1-67a.

56 На основании архивных материалов, полученных МККК в Москве, можно проследить, какую работу выполнял В. Верлен в других многочисленных областях (розыск, посещение обществ Красного Креста закавказских советских республик, отправка медикаментов и т. п.).

осуществляемой МККК в Советском Союзе деятельности (оформление документов и защита интересов российских швейцарцев), можно при изучении вопроса, касающегося финансирования этой делегации. МККК адресовал швейцарскому правительству несчетное количество писем, в которых, пытаясь добиться возмещения расходов, связанных с деятельностью Московской делегации, отмечается, какую большую работу проводит Верлен по «оказанию помощи своим соотечественникам»[57]. В 1923 г., то есть через год после выделения швейцарским правительством первой ежемесячной суммы в 300 швейцарских франков, которую Федеральный совет сам признает ничтожной по сравнению с оказанными услугами[58], МККК требует увеличения размера этой финансовой поддержки в соответствии с объемом той работы, которая осуществляется в интересах российских швейцарцев. В 1924 г. швейцарское правительство увеличивает ежемесячные выплаты до 850 франков после того, как Г. Адор, президент МККК, заявил о том, что может закрыть «эту очень дорогостоящую миссию, которая, с точки зрения Красного Креста, не представляет для него более никакой пользы»[59]. Эти суммы покрывают лишь расходы канцелярии, и МККК неоднократно будет обращаться к федеральному правительству с требованием выполнить свои обязательства. В 1930 г. МККК отмечает, что «в настоящее время Московская делегация работает, главным образом, над тем, чтобы оказывать помощь нуждающимся швейцарцам, проживающим в СССР»[60].

В 1934 г., будучи проездом в Женеве по пути в Берн, В. Верлен заявляет, что работает «практически исключительно в интересах российских швейцарцев»[61]. Наконец, в 1935 г. М. Хубер, президент МККК, пытается довести дело до конца и пишет в письме, адресованном директору Федерального политического департамента Ж. Мотта, что Комитет по-прежнему финансирует «четверть расходов, которые несет Московская делегация, хотя ее деятельность почти полностью посвящается швейцар-

57 Письмо Э. Буасье в Федеральный политический департамент от 10.06.1922, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 20.

58 Письмо Федерального политического департамента в МККК от 13.06.1922, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 20.

59 Письмо Г. Адора в Федеральный политический департамент от 28.05.1924, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 21.

60 Письмо Родольфа де Аллера и Г. Вернера П. Динишеру от 14.02.1930, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 21.

61 Отчет о беседе с В. Верленом от 15.06.1934, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 67.

цам, проживающим в СССР...», и что «эта делегация все больше приобретает характер учреждения, которое выполняет функции швейцарского консульства, а забота об остающихся в Сибири последних венгерских и югославских пленных является лишь дополнением к ним». В приложении к этому письму уточняется, что именно эта работа, «за выполнение которой от правительств соответствующих государств не требуется никаких денег, обеспечивает Международному Комитету его международный и краснокрестный характер, без чего он, возможно, лишился бы экзекватуры»[62].

Не только МККК подчеркивает значимость услуг, которые его делегат оказывает швейцарскому правительству. Если оставить в стороне помощь российским швейцарцам (советским властям прекрасно известно об этой деятельности, поскольку в народном комиссариате иностранных дел (НКИД) российским швейцарцам нередко рекомендуют обращаться непосредственно к Верлену, уточняя при этом, что, хотя «у него нет права ставить официальные печати», именно он занимается «делами швейцарских подданных»[63]), советские руководители дают понять В. Верлену, что они прекрасно осознают, какую пользу швейцарское правительство может извлечь из деятельности этой постоянной миссии, и что он столкнется с серьезными проблемами, если не будет представлять в Федеральный политический департамент информацию, которая может его заинтересовать[64]. И действительно, регулярно направляя в Федеральный политический департамент экземпляры двух крупных московских газет и тексты новых законов, которые могут заинтересовать швейцарские власти, Верлен дополняет эти материалы письмами с комментариями и предложениями, основанными на его знании советской действительности. Кроме того, пользуясь своим привилегированным положением наблюдателя при швейцарском сообществе в СССР, он передает в Швейцарию информацию

62 Письмо М. Хубера Дж. Мота от 23.05.1935, *Suisse-Russie, op. cit.,* pp. 458–461. Давая понять, что принятие экзекватуры обусловлено другими факторами, а не только нахождением Баготского в Швейцарии, МККК пытается разобраться в характере своей миссии, что прекрасно осознают чиновники Федерального политического департамента: «МККК прав, когда утверждает, что, если бы Верлену приходилось заниматься только швейцарцами, ему нужно было бы придумать другие задания, чтобы его миссию не рассматривали как замаскированное швейцарское консульство». Письмо П. Бонна П. Динишеру от 06.04.1935, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 26.

63 Цитируется по письму Л. Богданович-Голье в швейцарское консульство в Константинополе от 17.08.1930, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 45.

64 Отчет В. Верлена перед МККК от 23.07.1921, ACICR, B MIS 46, Cart. 34: Nansenhilfe.

о деятельности проживающих в этой стране швейцарских коммунистов — ведь они, в том числе, Фриц Платен, регулярно встречаются с ним, чтобы сделать соответствующие записи в своих документах[65]. Советские власти настолько отождествляют Верлена с официальным представителем швейцарского государства, что даже Литвинов и его сотрудники часто обращаются к нему с просьбой разъяснить, как меняется позиция швейцарского правительства и общественности Швейцарии по отношению к советской власти[66]. Несмотря на сдержанность делегата, советские власти неоднократно возвращаются к этому вопросу, давая понять МККК через Российский Красный Крест, что Женевский комитет обязан подготовить условия для возобновления «отношений между Швейцарией и СССР»[67]. Такое же мнение о Верлене бытует и среди российских швейцарцев, которым делегат вынужден регулярно напоминать, что он «не уполномочен выдавать национальные паспорта» или самостоятельно заносить имена их детей в швейцарские документы[68].

Такое временное совпадение целей (приводящее иногда к смешению жанров), которые преследовали МККК и швейцарское правительство в своих отношениях с Советской Россией, в значительной степени объясняется, как мы уже видели, особыми условиями, в которых происходили революция и гражданская война. Однако в определенной степени оно обусловлено тем фактом, что ключевые посты в МККК и руководстве страны занимали одни и те же люди. Тот же Верлен начинал свою карьеру в дипломатической миссии, другой, более яркий пример — Одье, с 1906 г. швейцарский представитель в Санкт-Петербурге и одновременно вице-президент МККК. Именно Одье, вернувшись из России, куда он поехал в качестве швейцарского представителя на Международной конференции Красного Креста, обратился к Федеральному совету с рекомендацией открыть дипломатическое представительство в России. Следует

65 Поспешность, с которой они стремятся продлить сроки действия своих паспортов или заменить их на новые, а также частые заявления об «утере» паспорта вызывают подозрение у начальника Федеральной полиции по делам иностранных подданных, который рекомендует делегату проявлять осторожность и просит его затягивать процедуру оформления, чтобы не допустить использования этих документов коммунистическими или советскими агентами, которые тайно выезжают из СССР. См.: Brigitte Studer, *Un parti sous influence,* l'Age d'Hommê, Lausanne, 1994, pp. 188–190.

66 Отчет В. Верлена перед МККК от 23.07.1921, ACICR, B MIS 46, Cart. 34: Nansenhilfe.

67 Письмо В. Верлена С. Брауну от 03.11.1931, ACICR, B MIS 54, Cart. 35: Rapports de Mission.

68 Письмо В. Верлена Н. Познански от 13.7.1936 г., AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 129.

отметить и тот факт, что с 1923 г. членом Комитета был Джузеппе Мота, бессменный директор Федерального политического департамента в течение 20 лет (с 1920 по 1940 гг.). Наконец, два президента МККК, которые занимали этот пост в течение интересующего нас периода, также были тесно связаны с федеральными властями: Гюстав Адор был членом Федерального совета с 1917 г. по 1919 г., а Макс Хубер работал юрисконсультом в Федеральном политическом департаменте на всем протяжении своего пребывания на посту президента МККК. Принадлежность главных героев этой истории к двум учреждениям порождает «родство мыслей»[69] (оно усиливается финансовой зависимостью МККК от швейцарского правительства[70]), без которого миссия Верлена была бы невозможна[71].

Деятельность в Швейцарии д-ра С. Баготского

Несмотря на то, что признание Советского Красного Креста Международным Комитетом явилось — в значительно большей степени, чем помощь остававшимся в России венгерским и югославским военнопленным[72] или показное желание советских руководителей «избежать конфликта с международными гуманитарными ассоциациями»[73] — причиной того, что миссия Верлена функционировала в Москве в течение длительного времени, для МККК это было чрезвычайно болезненным решением. Дело в том, что с момента создания в 1867 г. Российского общества Красного Креста у него установились добрые отношения с МККК. Как пишут российские авторы, гуманистические идеи, аналогичные тем, что легли в основу Красного Креста, возникали в Российском государстве уже очень давно. Многие исследователи считают великую княгиню Елену Павловну и Н. И. Пирогова, основателей службы медсестер, предшественниками Анри Дюнана[74]. Кстати, начиная с 1897 г., великая княгиня выпла-

69 Praz, *op. cit.,* p. 19. Следует отметить, что идеологическим фундаментом, на котором покоилось это «родство мыслей», был антикоммунизм.

70 В 1920 г. швейцарское правительство выделило МККК 150 тыс. франков, сумму, к которой швейцарские промышленники добавили еще 50 тысяч.

71 После отставки П. Эттера в 1947 г. действующие федеральные советники больше не будут становиться членами Комитета.

72 Письмо М. Хубера Дж. Мотта от 23.05.1935, Suisse-Russie, *op. cit.,* p. 461.

73 Письмо В. Верлена С. Ферьеру от 27.09.1937, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 26.

74 100 лет Красного Креста в нашей стране. Под ред. Г.А. Митерева. — М.: Медицина, 1967. И. Томан, *op. cit.,* с. 11.

чивала А. Дюнану — «человеку, благодаря которому восторжествовала великая идея Красного Креста»[75], ежемесячное пособие, чтобы помочь преодолеть материальные трудности. Россия, ратифицировавшая первую Женевскую конвенцию 1867 г., сыграла также важную роль в разработке положений международного гуманитарного права. Что же касается Российского Красного Креста, то благодаря участию в его деятельности императорской семьи и привлечению ее огромных материальных средств, он очень быстро превратился в одно из наиболее крупных и активных национальных обществ. МККК питал к этому обществу Красного Креста, ставшему для многих примером, настолько теплые чувства, что, когда Э. Фрик назвал его «бюрократической организацией»[76], которую монополизировали родственники императорской семьи, его сразу же стали подозревать в симпатии к большевикам.

Однако уже сразу же после выдворения миссии Берзина швейцарские власти поняли, что сохранение миссии МККК в Москве будет зависеть от того, какой статус получит в Швейцарии д-р С. Баготский, что, в конечном счете, предполагало признание Советского Красного Креста[77]. Это признание, состоявшееся в октябре 1921 г., тем не менее не повлекло за собой (и это явилось отходом от принципа единства) разрыва отношений, которые МККК поддерживал с прежней организацией Российского Красного Креста, учитывая «ту гуманитарную деятельность, которую она осуществляла и продолжает осуществлять вне территории Советской республики, оказывая помощь русским беженцам за границей»[78]. После отступления белогвардейских частей за границу туда за ними последовали руководители прежней организации Российского Красного Креста, которая, обосновавшись в Париже, рассматривалась как частная организация, что не помешало ее представителю в Швейцарии д-ру Г. Лодыженскому продолжать свою деятельность, «в надежде сыграть определенную роль в Женеве, тем более, что она пользовалась поддержкой со стороны бывшего президента Швейцарской конфедерации Адора». Неоднократно заявлявший протест по этому поводу С. Баготский был также уверен, что руководители прежнего Российского Красного Креста замешаны в убий-

75 *Suisse-Russie, op. cit.,* p. 214.

76 Отчет, ноябрь 1918 г., ACICR, B MIS 1/5.

77 Письмо А. Жюно в Федеральный политический департамент от 10.12.1918, Suisse-Russie, *op. cit.,* p. 330 и памятная записка Турнхера от 16.02.1920, AFB, E 2001, Bl-Bd.78.

78 И. Томан, *op. cit.,* с. 40.

стве Воровского, и предполагал, что они «стремились добиться полного разрыва отношений между Швейцарией и Россией»[79].

Несмотря на эти события, д-р Баготский был единственным советским гражданином (за исключением советских представителей в Лиге Наций, которые прибыли в Женеву в 1934 г.), официально представляющим в Швейцарии в период между двумя мировыми войнами советскую организацию — Красный Крест. Он сделал типичную для новых русских руководителей карьеру: учился в университете в России, несколько лет провел в ссылке в австрийской Галиции, где встретился с Лениным. Найдя, как и многие русские революционеры, убежище в Швейцарии с 1914 г., он стал во главе Швейцарской лиги помощи русским политическим заключенным, затем — Швейцарского комитета по репатриации русских политэмигрантов. После возвращения в Россию Ленин поручил ему участвовать в организации народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава). В октябре 1918 г. с женой и детьми он приезжает в Берн, где проживет почти 20 лет. И хотя власти подозревают, что он прибыл в Швейцарию для ведения пропагандистской работы, первое время он занимается, главным образом, организацией возвращения около 15 тыс. русских солдат, оказавшихся во Франции или интернированных в Швейцарии, и защищает интересы нового общества Красного Креста перед МККК. Начиная с 1921 г. Баготский представляет общество Красного Креста Советской России в МККК[80] и организует не только сотрудничество с Лигой Наций при проведении отдельных операций (как это было с миссией Ф. Нансена, верховного комиссара по репатриации военнопленных), но и устанавливает первые регулярные контакты Советской России с этой международной организацией, в частности, в области санитарии и гигиены[81], а также по другим вопросам, относящимся к т. н. технической сфере деятельности Лиги Наций. Как бывший сотрудник Наркомздрава он часто выступает с лекциями и публикациями по вопросам здравоохранения в СССР[82] (это,

79 *Suisse-Russie, op. cit.,* p. 366 и письмо З. Соловьева, президента Советского Красного Креста, в МККК от 26.05.1923, Microfilms ACICR: «Mission Wehrlin» F 1496-1-68.

80 С 1928 г. он выполняет эти функции уже от имени Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК и КП), в который объединились в 1923 г. общества советских республик. Лишь в 1934 г. Союз обществ КК и КП был принят в Лигу обществ Красного Креста.

81 В 1922 г. комитет ЛН по вопросам гигиены создал комиссию, которой было разрешено посетить Москву для изучения ситуации с тифом.

82 Dr. Serge Bagotski, *La protection de l'enfance en URSS,* Société russe de la Croix-Rouge, Berne, 1924.

в принципе, не противоречит мандату представителя Красного Креста), однако его публичные выступления вызывают раздражение швейцарских властей, как это было во время выставки 1929 г. в Женеве, посвященной вопросам охраны детства в СССР[83].

Начиная с 1925 г. он ведет всю работу, которая обычно выполняется полномочным представителем БОКС — *Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами*: рассылает информационные бюллетени Общества швейцарским деятелям, которых предполагается пригласить в Россию, организует выставки[84] и принимает представителей советской культуры, находящихся проездом в Швейцарии (в 1929 г. это были Эйзенштейн, Тиссэ и Александров, которые участвовали в Конгрессе независимого кино, проходившем в замке Ла Сарра[85]). В этом своем качестве он также шефствует над целым рядом организаций, симпатизирующих СССР: «Общество документальных исследований по современной России» (в его членах состоял д-р Жорж Монтандон, которого швейцарская пресса и Комитет обвинили после возвращения из поездки в Сибирь по линии МККК в том, что на своих лекциях и в своей книге он защищает «передовые большевистские идеи»[86]), «Культурное общество за сближение с СССР», «Общество друзей СССР», «Новая Россия», «Швейцарское общество за улучшение культурно-экономических связей с Советским Союзом», а также над многими обществами по интересам, такими как «Друзья нового фильма», «Друзья пролетарского художественного театра», и группой «План»[87]. Официально перед БОКС стоит задача «знакомить население иностранных государств с достижениями советской

83 Главный организатор выставки Мелик Эльчян был выдворен из Швейцарии. Marc Vuilleumier, «La surveillance politique à Genève: quelques cas (1920–1934)», *Études et Sources,* n° 26, 2000, pp. 239–268. Однако из переписки Баготского с Центральным комитетом общества Красного Креста России явствует, что эти выставки проходили при поддержке Швейцарского Красного Креста, ГАРФ, Москва, F 3341/6/350.

84 В 1931 г. под эгидой ВОКС в Швейцарии прошло около десятка выставок.

85 См.: Н. Г. Гетманова и М. С. Кузьмин, «Советско-швейцарские культурные и научные связи», *Вопросы истории,* № 9, 1985 г., с. 33–44, а также Jean-François Fayet, «La VOKS: entre culture, politique et lobbying diplomatique», *Échanges culturelles et relations internationales,* Antipodes, Lausanne, 2002 (по архивным материалам ВОКС, ГАРФ, F 5283).

86 Blaise Hofmann, *Bolchévisme, droit humanitaire, dollar et Paix des vainqueurs: l'organisation du rapatriement des prisonniers de guerre centraux détenus en Sibérie après la Première guerre mondiale, par la Mission Montandon du CICR, les Croix-Rouge nationales et la SDN,* Mémoire de licence non publié, Lausanne, 2001.

87 Всего в 1935 г. среди членов этих обществ, которых швейцарские власти называли «друзьями СССР», насчитывалось около 3 тыс. человек. B. Studer, *Un parti sous influence, op. cit.,* p. 547.

культуры и информировать население СССР о главных культурных событиях за рубежом», однако в не предназначенном для широкой публики отчете его председателя (1931 г.) уточняется, что «задача БОКС состоит в том, чтобы при помощи хорошо налаженной пропаганды советского социалистического строительства нейтрализовать наиболее вредоносные кампании, направленные против нас (СССР) и предназначенные для этих масс (представителей прогрессивной буржуазии)»[88]. Вначале деятельность Баготского, как он сам пишет, независимо от того, идет ли речь «о Красном Кресте или об информационно-культурной работе, направленной на сближение некоторых кругов Швейцарии с СССР, осуществлялась под флагом Красного Креста и не выходила за рамки несколько расширенных задач, стоящих перед КК»[89]. Однако когда в 1927 г. спорный вопрос между СССР и Швейцарией был закрыт, Баготский высказывает пожелание, чтобы БОКС начал работать официально, «не под вывеской Красного Креста, а под своей собственной», и предлагает на его должность в БОКС назначить свою жену, чтобы две организации формально отличались друг от друга, но Москва отклоняет это предложение, учитывая, без всякого сомнения, то большое уважение, с которым швейцарцы относятся ко всему, что связано с Красным Крестом.

Следует, однако, сказать и о других аспектах деятельности Баготского. Работа, которую он скромно называет «информационной», заключается в том, чтобы печатать в некоммунистической прессе[90] статьи в поддержку СССР и устраивать на работу в эти органы печати сотрудников, симпатизирующих советскому строю[91]. Он выполняет и другую задачу — регулярно информирует Наркоминдел о том, что думают швейцарский народ и швейцарские власти об СССР[92]. Баготский поддерживает многочисленные контакты с представителями промышленных кругов, чтобы, как он пишет в 1926 г., оказывать «давление на Федеральный совет и буржуазную прессу и координировать их деятельность». Эта цель была достигнута в 1936 г. благодаря созданию Швейцарского комитета за вос-

88 Сводный доклад о перспективах ВОКС, Ф. Н. Петров, 04.02.1931, РГАСПИ, Москва, F 495/99/26, pp. 11–20.

89 Письмо Баготского в ВОКС от 14.05.1927, *Suisse-Russie, op. cit.,* p. 412.

90 «Травай», «Друа дю пёпль», «Бернер Тагвахт», «Национаь Цайтунг», «Пёпль валезан», «Бюльтен де ля Мэзон дю пёпль», «Либр пансе интернасьональ», «Шемино», «Диссонанс э Праксис».

91 Например, корреспондент «Травай» Ж. Дикер.

92 См.: ВОКС, ГАРФ, F 5283/6/837.

становление отношений с СССР, в состав которого вошли промышленники, а также профсоюзные и социалистические руководители[93]. Наконец, будучи единственным советским представителем в Швейцарии, Баготский получает корреспонденцию и консультирует всех тех, кто — от учительницы, желающей поехать преподавать в СССР, до активиста, стремящегося найти какую-нибудь коммунистическую организацию, — надеется наладить переписку с Коминтерном, тем или иным советским руководителем или учреждением.

В своей деятельности Баготский, впрочем, как и Верлен, далеко выходит за рамки традиционной краснокрестной работы, выполняя практически дипломатические и консульские поручения, чего не могут не знать швейцарские власти, которые пристально следят за советским представителем и контролируют его переписку[94]. Известно швейцарским властям и о тех связях, которые существуют между Советским Красным Крестом и Советским государством. В отчете о беседе, состоявшейся в 1921 г. с З. П. Соловьевым, президентом Советского Красного Креста, который является также народным комиссаром здравоохранения, Верлен пишет: «...не вызывает никакого сомнения, что Красный Крест Советской России не является в настоящее время самостоятельной организацией»[95]. Будучи представителем БОКС, Баготский поддерживает связи с народными комиссариатами народного образования, планирования, внешней торговли и, конечно, иностранных дел. В то же время на официальном уровне он стремится держаться на расстоянии от швейцарской коммунистической партии, и пока нет никаких сведений, подтверждающих слухи о якобы оказанных им услугах иностранному отделению ГПУ, хотя, как и всякий советский гражданин, проживающий за границей, он, по-видимому, вынужден был отвечать на вопросы компетентных органов всякий раз, когда возвращался в Россию. Швейцарские власти неоднократно отклоняли просьбы советского делегата и не позволяли ему пригласить в Швейцарию, например, Стефана Братмана, члена миссии Берзина и специалиста по экономике, или приобрести в Берне дом для

93 Mauro Cerutti, «Politique ou commerce? Le Conseil fédéral et les relations avec l'Union soviétique au début des années trente», *Etudes et Sources,* 1981, n° 7, p. 126.

94 Пра (Praz, *op. cit.,* p. 139) обнаружил письмо Федерального политического департамента Баготскому, которое устраняет все сомнения по этому поводу.

95 Письмо В. Верлена в МККК, ACICR, B MIS 46-Cart.34: Nansenhilfe.

Советского Красного Креста[96], хотя и не могли ограничивать его деятельность строгими рамками Красного Креста, опасаясь поставить под удар «квази-консульскую» миссию Верлена. Начиная с 1934 г. интерес советских властей к миссии Баготского постепенно угасает. Это объясняется приездом в Женеву членов советского представительства в Лиге Наций, которые должны были взять на себя выполнение функций Баготского[97]. Когда в 1937 г. советский делегат покидает Швейцарию, Федеральный политический департамент информируют о трудностях, с которыми Верлен столкнулся при оформлении продления срока действия своей визы. Во внешнеполитическом ведомстве с реализмом отмечают, что такое положение вещей «несомненно, в определенной степени связано с отъездом д-ра Баготского»[98]. Понимая сложность своего положения и учитывая, что швейцарские и советские власти по молчаливому согласию увязывают деятельность одной миссии с другой, МККК начинает искать выход из этого положения. «Международный Комитет не должен дожидаться выдворения своего делегата», — записано в протоколе заседания МККК от 17 июня 1937 г., в ходе которого принимается решение в течение года закрыть миссию в Москве. Как сообщает Верлен, советское правительство с облегчением узнает об этом решении: желая его отъезда, оно однако не хотело, чтобы эта инициатива исходила от него[99].

Выводы

Присутствие миссии Верлена в России оказалось чрезвычайно полезным для почти 1500 российских швейцарцев, 1250 из которых обратились за помощью в делегацию. «Ни одно швейцарское консульство не оказывает помощь такому большому числу наших сограждан», — с гордостью пишет М. Хубер в докладе, направленном в 1935 г. Дж. Мотта[100].

96 Дж. Мотта выступил в поддержку этого отказа со стороны Департамента юстиции и полиции.

97 С 1927 г. СССР участвовал в работе по подготовке конференции по разоружению. В 30-х годах советских представителей стали приглашать на заседания комитетов экономических экспертов. В 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций, в которой он был представлен делегацией, состоящей из нескольких постоянных представителей. Sabine Dullin, «Les diplomates soviétiques à la SDN», *Relations internationales,* n° 75, 1993, pp. 335–338.

98 Записка Х. Рогена, июнь 1937 г., AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 26.

99 Сводный доклад В. Верлена МККК, 21.07.1938, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 25.

100 Suisse-Russie, *op. cit.,* p. 459.

Конечно, многие швейцарцы, арестованные советскими властями, упрекали Верлена в том, что он не сделал все, что было в его силах, чтобы прийти к ним на помощь[101], но на эти жалобы никто не обратит внимания — так их было мало по сравнению с большим количеством благодарственных писем, и так малы были у Верлена возможности заступаться перед советскими властями за своих соотечественников. Когда после отъезда делегации российские швейцарцы окажутся без защиты, а затем из-за наступления войск III Рейха — вовсе отрезанными от своей родины, даже самые большие критики будут вынуждены признать, каким неоспоримым благом были для них те льготы, которыми они пользовались в течение 17 лет благодаря миссии Верлена. Да и сам Верлен не скрывает удовлетворения, когда говорит о свидетельствах подданных других стран, которые «в письмах, адресованных в свои посольства, горько жалуются на свою судьбу, с завистью приводя пример наших соотечественников». И добавляет: «Некоторые дипломатические миссии приводили в пример помощь, оказываемую Швейцарией своим подданным, чтобы добиться от своих правительств дополнительных средств, необходимых для осуществления благотворительной деятельности»[102].

В выигрыше оказались и швейцарские власти, которые, благодаря миссии Верлена, смогли ограничить массовую репатриацию и оказывать помощь своим гражданам непосредственно в России, избежав публичного осуждения своей непримиримой антикоммунистической позиции. Нельзя также забывать и о том, что этого результата швейцарское правительство добилось, заплатив «цену значительно более низкую, чем та, что пришлось бы заплатить, если бы на территории России функционировало консульство»[103]: ведь содержание делегации МККК обошлось Швейцарии в четыре раза дешевле обычного консульства. Понятно, что в этих условиях Федеральный политический департамент, который прекрасно осо-

101 Так произошло, например, с Адольфом Шварцем, которому все же удалось репатрииироваться в 1938 г. В архиве Бюро российских швейцарцев хранится немало писем подобного содержания.

102 Отчеты В. Верлена, адресованные МККК от 10.05.1923 и 21.07.1923, ACICR, B MIS 54, Cart. 35. За свою деятельность в интересах иностранных подданных, оказавшихся в России без защиты, Верлен получил многочисленные почетные звания и награды, в том числе, орден бельгийской короны. Письмо В. Верлена посланнику Бельгии в Латвии от 15.11.1929, Microfilms ACICR: «Mission Wehrlin» F 1496-2-10.

103 Заявление М. Хубера на заседании Комитета 22.05.1935, цитируется по: Praz, *op. cit.*, p. 52.

знавал, как трудно будет ему найти нового посредника, до последнего пытался убедить МККК пересмотреть свое решение[104].

Однако не столь однозначными были эти результаты для МККК (Ж.-Д. Пра назвал их даже весьма «отрицательными»[105]), репутация которого серьезно пострадала в результате 18-летней деятельности Московской делегации. Вопреки изначальным планам, Женевский комитет не смог расширить поле своей деятельности, оказывая помощь политическим заключенным. Несмотря на усилия, предпринимаемые делегатом с тем, чтобы избегать широкой огласки его деятельности (он, например, отказывается от любых встреч с журналистами), не вызывает никакого сомнения, что международные дипломатические круги прекрасно знали, чем занимается его миссия. Более того, из одного из заявлений П. Бонна явствует, что, осознавая, какие неудобства создает для МККК такое смешение жанров, руководители Международного Комитета неоднократно спрашивали себя, не предпочтительнее ли было закрыть миссию, «чтобы избежать упреков в нашу сторону в том, что в интересах Швейцарии мы прибегали к своего рода маскировочным средствам»[106]. В течение целого года МККК, очевидно, был готов вернуться в Советский Союз (и Верлен от всего сердца желал этого возвращения), однако, получив несколько отказов в выдаче визы, Комитет решает прекратить любые действия в этом направлении. Каковы бы ни были причины, побудившие МККК принять решение закрыть Московскую делегацию в 1937 г., a posteriori можно сказать, что это решение повлекло за собой тяжелые последствия, если вспомнить, что это было сделано накануне Второй мировой войны.

104 Письмо Федерального политического департамента (Дж. Мотта), адресованное МККК 02.07.1937, ACICR, B MIS 54.1 Cart. 35.

105 Praz, *op. cit.,* p. 176.

106 Письмо П. Бонна П. Динишеру от 11.07.1935, AFB, Bureau des Suisses de Russie 2015,1 — Bd. 26, p. 2.